Мондатипа встал и с серьезным выражением лица взглянул на ноги Тунмо Луоцзя. Божа и два других гвардейца собрались у постели и начали шептаться с Мондатипой. У всех были мрачные лица. Напротив, Тунмо Луоцзя, находясь в тяжелом состоянии, оставался спокойным, его холодный взгляд скользил по лицам людей, пока он отдавал команды.

Божа вытирал слезы и кивал, подтверждая что-то. Они разговаривали на санскрите, и Ли Яоинь ничего не понимала, но голос Тунмо Луоцзя, охрипший от боли, все равно сохранял некую элегантную интонацию.

Звуки приближающихся шагов становились все громче. Один из гвардейцев резко отодвинул занавеску и быстрым шагом вошел в комнату, говоря на языке Ху:

- Король, здесь великие министры, они настаивают на том, чтобы войти в храм и увидеть короля!

Божа и остальные обменялись взглядами.

- Мы не можем их впустить! - Божа встал перед диваном и спросил, - А где принц-регент?

Личный солдат сказал:

- Генерал Су недавно отправился в Гаочан, он еще не вернулся в город.

- А принцесса Чжима?

- Генерал Ашина сопровождает принцессу Чжиму в город Юньфу. Их тоже нет в городе, но мы уже послали людей с просьбой о возвращении, - охранник вспотел, - Они вот-вот ворвутся внутрь!

Гвардейцы были в растерянности. Мондатипа не хотел вмешиваться в королевские дела, поэтому беспомощно вздохнул.

В душной тишине Тунмо Луоцзя, который лежал на постели, внезапно пришел в сознание и сел. Его худые плечи напряглись, а затем распрямились, как тетива лука. Без тени паники на своем бледном лице он тихо сказал:

- Помогите мне добраться до главного зала.

Его голос оставался спокойным и неторопливым.

Божа вытер слезы и наклонился, чтобы поддержать Тунмо Луоцзя. Он делал это очень

профессионально, как будто подобное случалось бесчисленное количество раз.

Ли Яоинь подошла поближе и сказала:

- Лучше не вставайте на ноги.

Тунмо Луоцзя поднял глаза, и глубокие бирюзовые зрачки остановились на ней. Его взгляд был таким же отстраненным, как и его внешность. Как будто он смотрел на тебя, и в то же время как будто он смотрел на что-то другое сквозь тебя. По-видимому, в его глазах все в этом мире было ничтожным. Вокруг него царило невидимое давление, совсем не острое, как если бы вообще не ощущалось.

Некоторое время они с Ли Яоинь пристально смотрели друг на друга. Затем она опустила взгляд на его ноги, и ее брови слегка нахмурились. Она сказала, с трудом подбирая слова на языке Ху:

- С такими опухшими ногами вы должны отдохнуть в постели. Если вы встанете, даже если сейчас выпьете таблетки для успокоения, ваши ноги навсегда останутся бесполезными.

Ей не было известно, как именно умер Тунмо Луоцзя, она знала только, что верующие несли его к алтарю Дхармы во время его последнего публичного чтения Священных Писаний. Глядя сейчас на его ноги, она предположила, что в то время он уже не мог ходить.

Божа сквозь рыдания попросил:

- Король, скажите великому министру и остальным правду!

Тунмо Луоцзя опустил взгляд на свои ноги, его ресницы слегка дрогнули, и он тихо сказал:

- Все в порядке.

Северный Жун следит за ним, потому что политическая обстановка при дворе была нестабильной. Информация о его болезни не должна просочиться наружу.

Божа и личные солдаты обменялись взглядами. Не решаясь больше ничего сказать, они помогли ему подняться.

Брови Ли Яоинь нахмурились еще сильнее. Несмотря на то, что Тунмо Луоцзя не заботится о своем здоровье, действительно ли окружающие его люди принимают его за бога? Он был человеком.

Она слышала от рабов, что все в Королевском дворе, начиная с аристократов и заканчивая простыми людьми, испытывал антипатию к ханьцам. Только этот Сын Будды был милосердным и относился ко всем рабам как к своему народу, призывая верующих мирно жить с зороастрийцами, манихеями и несторианами.

Если этот человек останется в живых еще хотя бы один день, Северный Жун не сможет захватить Королевский двор, а значит не сможет вывести свои основные силы для нападения на Центральные равнины.

Ли Яоинь несколько раз обдумала ситуацию и остановила Божа:

- Ваш король прямо сейчас не может встать на ноги. Придумайте какой-нибудь повод, чтобы отослать Великого министра прочь.

Божа несколько мгновений настороженно смотрел на нее:

- Великий министр упрям. Обычные причины не могут остановить его...

- Я буду причиной.

Ли Яоинь прервала слова Божа и подняла руку, чтобы откинуть назад волосы. Уголки ее глаз игриво приподнялись, отчего ее взгляд стал подобен волнам в осеннем пруду. Как дерево, полное распускающихся цветов, внезапно выплеснувших свои тычинки, наполняя облака цветом ее улыбки. Такая яркая красота лишала людей возможности отвести взгляд.

В мгновение ока комната наполнилась весной.

- Выйдите и скажите великому министру, что принцесса Великого Вэй безумно влюблена и настолько жестоко преследует Сына Будды, что он не может выйти.

Божа покраснел и опустил голову, чтобы посмотреть на Тунмо Луоцзя.

Тунмо Луоцзя не поднял глаза, его взгляд был устремлен вниз, на старые оборванные соломенные сандалии на ногах молодой девушки. В пути он забыл проинструктировать своих людей позаботиться о принцессе империи Вэй. Она путешествовала с рабами и, должно быть, много страдала.

Тунмо Луоцзя кашлянул и сказал:

- В этом нет необходимости. Это дело не имеет никакого отношения к седьмой принцессе.

Ли Яоинь удивилась тому, что он говорил на стандартном северном диалекте Центральных равнин, и говорил он гораздо более бегло, чем тибетец Мондатипа, который провел в Центральных равнинах очень много времени. Говорят, что он был одаренным ребенком, и в возрасте десяти лет уже владел семью-восемью языками. Она не ожидала, что среди них был и китайский язык.

Если бы такой человек был простым монахом, целеустремленно посвятив себя своей практике и изучению буддийской доктрины, он, вероятно, не пережил бы такие испытания.

Почувствовав в душе умиление, Ли Яоинь улыбнулась и небрежно сказала:

- Я была в опасности, и Сын Будды спас меня из огненной ямы, поэтому я должна отплатить.

Сказав это, она присела на корточки, чтобы посмотреть на Тунмо Луоцзя, и в ее темных сияющих глазах отразилось его бледное лицо.

- Пока ваши ноги в таком состоянии, вам лучше не ходить.

Не дожидаясь, пока он что-нибудь скажет, Ли Яоинь встала, развязала ленту, скреплявшую ее волосы, и сняла с ног потрепанные соломенные башмаки. Ступая босиком по ковру, с длинными волосами, рассыпавшимися по плечам, она грациозно плыла шагами лотоса. Среди великолепного живописного узора на пушистом ковре ее белые, гладкие, словно нефрит, маленькие ступни излучали чувственное влечение, от которого пересыхало во рту.

Охранники в зале потрясенно застыли.

Снаружи главного зала по каменным ступеням поднималась группа мужчин среднего возраста - лет сорока-пятидесяти. Во главе шел сам Кан Може, великий министр Королевского двора. Он был одет в подпоясанный кушаком короткий узкий халат с птичьим узором на воротнике и маленькими рукавами и длинные сапоги. На поясе у него висел меч, а длинные волосы стягивала за головой лента. На ходу он ругал стражников:

- Король вернулся вчера вечером, почему он сразу не созвал министров?

Божа встрепенулся и указал на Ли Яоинь, которая со слезами на глазах загораживала дверь главного зала:

- Великий министр не знает, что принцесса империи Вэй хочет любым способом выйти замуж за короля. Король не может выйти.

Кан Може немного приутих и посмотрел в том направлении, куда указал Божа. Там стояла изящная фигура, чья красота была сравнима с цветением цветов в ущелье в начале весны. При одном лишь беглом взгляде у всех присутствующих перехватило дыхание.

Ли Яоинь, встретившись с пристальным взглядом толпы, тихонько заплакала, ее плач становился все более и более душераздирающим.

Кан Може уже слышал от своих шпионов, что принцесса империи Вэй сделала предложение перед десятитысячным войском, но считал, что это преувеличение. Только теперь, увидев ее во плоти, он понял, что его стражи не описали и половины ее красоты.

Как женщина может быть настолько слепа, чтобы влюбиться в монаха, которого не соблазнишь внешней красотой?

Кан Може криво улыбнулся:

- На свете действительно существует такая красавица.

Остальные посмотрели друг на друга. Сын Будды был монахом, и его преследовала красавица. В такой неловкий момент они должны войти в храм или нет?

- Мы не можем остановить принцессу империи Вэй, - у всех охранников были встревоженные лица, - Она женщина. Более того, принцесса Центральных равнин. Мы не посмеем причинить ей боль. Как только появится король, она будет следовать за ним по пятам. Король ничего не может с ней сделать, у него нет другого выбора, кроме как спрятаться в своей спальне.

Все слегка рассмеялись с молчаливым пониманием: что мог сделать Сын Будды, когда за ним гналась такая сногсшибательная красавица? Если бы это были они, дело решилось бы в мгновение ока. Только король мог устоять перед таким искушением.

Божа выпрямился и сказал:

- Министры, пожалуйста, вернитесь к себе. После того, как король уладит вопрос с принцессой Центральных равнин, он вас пригласит.

Кан Може слегка прищурился. Другие уже начали смеяться, что даже святые люди могут столкнуться с такой ситуацией.

- Мы просто хотели убедиться, что король вернулся в город в безопасности. Если он в порядке, то мы уходим.

Они подмигнули Кан Може:

- Великий министр, сейчас не время для аудиенции.

Взгляд Кан Може надолго остановился на Ли Яоинь, и в его глазах вспыхнул холодный огонек, прежде чем он повернулся, чтобы уйти вместе с остальными.

Только когда они исчезли из виду за воротами дворца, Божа выдохнул с облегчением.

За воротами дворца Кан Може попрощался с остальными и позвал своего личного слугу:

- Передай генералу Сюэ, что в город приехала невероятная красавица, и она ханька.

Слуга кивнул и отправился выполнять приказ.

Божа удостоверился, что великий министр действительно ушел, и вернулся к дверям в зал, выглядя немного ошеломленным:

- Великий министр ушел так легко.

Ли Яоинь встала, смахнула слезы в уголках глаз и завязала свои длинные волосы. Министры не беспокоились о том, запятнает ли ее присутствие во дворце репутацию Тунмо Луоцзя. Наоборот, все они выглядели довольными. Похоже, Королевский двор далек от стабильности. Король защищается от министров, а у министров есть тайные мысли. Неудивительно, что после смерти Тунмо Луоцзя Королевский погрузился в хаос.

Ли Яоинь вернулась во внутреннюю комнату. За висящей ширмой царила тишина, нарушаемая только потрескиванием горящих свечей.

Тунмо Луоцзя спал глубоким сном.

Божа подбежал обратно к дивану, опустился на колени и с надеждой оглянулся на Мондатипу.

Мандаттипа вздохнул и сказал:

- Иглоукалывание и массаж могут лишь временно облегчить боль.

Ли Яоинь кивнула:

- Иглоукалывание поможет лишь на время, но долго он не протянет. Когда люди, которых вы отправили на Центральные равнины за лекарствами, вернутся к Королевскому двору?

Мандаттипа с мрачным лицом покачал головой:

- Принц-регент боялся утечки информации и отправил тайных агентов среди караванов, движущихся на восток, чтобы тайком искать лекарства. Он отправил в общей сложности более двадцати личных солдат, но теперь, когда Северный Жун отрезал торговый путь, след исчез, и единственный караван, вернувшийся невредимым, направился в Тибет, но там не было полезных ингредиентов.

Ли Яоинь вспомнила о том, что она видела по пути. В караване Королевского двора, который ограбил старший принц Елу, вероятно, был личный охранник, который искал лекарство для Тунмо Луоцзя. Северный Жун преградил дорогу между Западными регионами и Центральными равнинами, и доставка лекарства из Центральных равнин была почти невозможной. От этих личных солдат не будет никаких хороших новостей.

И времени осталось мало.

Ли Яоинь сказала:

- Я знаю, где в Западных регионах можно найти муравьиную траву.

На лицах Божа и Мондатипы одновременно отразилось удивление.

Ли Яоинь посмотрела на них:

- В лагере в Хайду Алиня.

Она болела с рождения и лечилась многие годы, но так и не смогла отказаться от приема лекарств. Одной из трав, входивших в состав таблеток Нинглу, была как раз муравьиная трава. Когда она выходила замуж за вождя племени Елу, в приданом, которое она привезла, было большое количество редких трав и пилюль, которые были приготовлены заранее. Когда она и ее личные солдаты бежали из племени Елу, она взяла с собой только несколько таблеток Нинглу, все дорогостоящие травы остались в племени.

И все племя Елу оказалось в руках Хайду Алиня.

Ли Яоинь уверенно сказала:

- Я навела справки. Награбленные Хайду Алинем вещи были перевезены обратно и спрятаны в его лагере.

Сыновья хана Вахана не будут нападать на Хайду Алиня из-за одних только слухов, и его лагерь скрывает множество сокровищ, привезенных из Центральных равнин.

Мондатипа был ошеломлен. Лекарство, которое могло вылечить Сына Будды, находится в

Северном Жун?

- Северный Жун не будет настолько любезен, чтобы прислать нам лекарство, и мы не можем позволить им узнать, насколько важны эти лекарства для короля, - Божа встал с несчастным видом, - Мы также не можем использовать насилие, чтобы ограбить их. Королевский двор только что заключил соглашение с Северным Жун; мы не можем напасть на них.

Мондатипа замолчал. Когда дело касалось военных вопросов, он никогда не раскрывал рта.

Божа в ярости ходил взад и вперед:

- И тут нет принца-регента! Генерала Ашины тоже нет! У нас нет никого, кто мог бы принять решение! Что же делать?

Ли Яоинь посмотрела на Тунмо Луоцзя, лежащего на постели, и сказала:

- Королевскому двору не нужно атаковать Северный Жун, ведь это мое приданое.

Божа повернулся, чтобы посмотреть на нее.

Ли Яоинь подошла к письменному столу и начала писать письмо:

- Я, как принцесса Великого Вэй, прошу хана Северного Жун вернуть мое приданое.

Она сделала паузу и подняла бровь, глядя на Божа.

- Что касается того, вернет ли Северный Жун мое приданое честно, это зависит от того, кто доставит это письмо. Если это будет военный из Центральной Армии королевской стражи, то, возможно, хан Вахан лично прикажет Хайду Алиню вернуть приданое.

Божа понял смысл ее слов. Если Королевский двор просит Северный Жун вернуть приданое принцессы Великого Вэй, это означает, что Сын Будды согласился на предложение руки и сердца принцессы Вэй, правильно?

Тогда эта ханьская женщина сможет оставаться здесь открыто и честно.

- Нет! Об этом не может быть и речи! - Божа решительно покачал головой.

Ли Яоинь развела руками:

- Теперь, когда на карту поставлена жизнь Сына Будды, единственное лекарство, которое может спасти его, находится прямо перед нашими глазами. У меня нет ни войск, ни генералов; Северный Жун не вернет мое приданое только из-за моего письма. Когда все уже сказано и сделано, что делать дальше, решайте сами.

В конце концов, она была не единственной, кому нужна муравьиная трава. К тому же на кону стояла жизнь Тунмо Луоцзя, а министры, которых только что отослали, через пару дней снова будут просить встречи с королем.

У них не было другого выхода.

Выражение лица Божа менялось: в один момент оно было сердитым, в следующий - обеспокоенным, в третий – колеблющимся. Оглянувшись на лежащего без сознания Тунмо Луоцзя, он долго боролся, а затем взял письмо у Ли Яоинь.

- Ханьская женщина, ты можешь поклясться, что все, что ты сказала, правда?

Ли Яоинь улыбнулась и посмотрела на Мондатипу:

- Достопочтенный мастер, я говорю правду в каждом слове.

Мондатипа сложил ладони вместе:

- Этот бедный монах верит в принцессу.

Сказав это, он кивнул в сторону Божа и произнес несколько слов на санскрите. Божа крепко сжал письмо, его пальцы напряглись с такой силой, что письмо смялось. Он вздернул подбородок:

- Хорошо! Я поеду в город Юнфу и обсужу это с принцессой Чжима и генералом Ашина. Если они согласятся, я лично отправлюсь доставить это письмо!

Он сжал зубы и выбежал из комнаты.

Другие охранники сопроводили Ли Яоинь в комнату в боковом дворе. Мондатипа извинился:

- Прошу принцессу простить нас, нельзя разглашать болезнь Сына Будды.

Ли Яоинь понимала его сомнения и улыбнулась, показав, что все в порядке. Сейчас они были на одной лодке, и она надеялась, что Тунмо Луоцзя сможет справиться с этой трудностью. Ее надежда на возвращение в Центральные равнины через Северный путь была связана с ним.

http://tl.rulate.ru/book/72517/3298599